

Андрей Неклюдов

Как я был Рычанчиком

Андрей Неклюдов

Как я был Рычанчиком

«Институт соитологии (ИС)»

Неклюдов А.

Как я был Рычанчиком / А. Неклюдов — «Институт соитологии (ИС)»,

Один из рассказов о жизни Андрея Неклюдова. Автор не призывает нас никому сочувствовать, или безумно радоваться чьему-то сказочному марьяжу и прочим вери-хепи-эндам.

Андрей Неклюдов

Как я был Рычанчиком

«Если слово не действительно и имя не реально... тогда...»

А.Ф. Лосев. Философия имени, 1927 г.

«Налей безумия стаканчик

Морфей по имени Рычанчик»

С. Коробков. Из неизданного, начало 80-ых гг.

Когда я говорил кому-либо, что живу на Дворцовой площади, мне не сразу верили. Где там можно жить, в Эрмитаже, что ли?

– В Александрийском столпе, – шутил я. – У меня в нем дупло!

На самом же деле дворницкая находилась в дугообразном строении так называемого Главного штаба, два корпуса которого соединены Триумфальной аркой, – в левом его крыле, если стоять спиной к Зимнему.

Попасть в дворницкую можно было двумя путям – либо через ведомственную поликлинику ГУВД (со стороны Мойки), проскочив сквозь нее во внутренние дворы, а оттуда, черным ходом, – в нужную часть здания; либо через главный вход некоего лишенного вывески законспирированного милицейского управления. Но так как поликлиника функционировала лишь до пяти часов вечера, то обычно приходилось звонить в массивную лакированную дверь (обращенную к площади), сквозь темные стекла которой можно было разглядеть вторую такую же дверь и ничего более.

Спустя минуты три после звонка внутренняя дверь, блеснув стеклами, подавала по-служебному сухой голос, и в промежутке появлялась немая фигура милицейского старшины с глазами сомнамбулы. В этот момент следовало приложить к стеклу раскрытый пропуск, и тогда, после внушительных щелчков дверь приотворялась.

Дальше путь пролегал по неровно освещенному, безлюдному, словно позаимствованному из области сновидений коридору. В пустоте под сводами гулко отдавались шаги по бетонному полу, запах сырости и ржавчины смешивался с запахами отхожего места и, как будто из пещеры, доносилось акустически усиленное журчание воды в туалете. И всякий раз возникало чувство, будто время в этом полуподвале остановилось.

Покрытая пылью мраморная табличка, прикрепленная к стене в коротком аппендиксе коридора (здесь когда-то был вход), сурово сообщала, что 30 августа 1918 года на этом месте был убит «страж социалистической революции» Урицкий.

В коридор выходило несколько дверей. Это и был отведенный дворникам угол. Кроме моего приятеля Кости Копьёва здесь обитали еще два дворника – коротконогий ушастый Щура Шайкин, давно отчисленный из университета за неуспеваемость, и неведомый читающей публике, но уже достаточно известный в органах ГБ поэт Сергей Коробков (со слов Кости, за свои диссидентские и авангардистские сочинения Коробков был изгнан с четвертого курса факультета журналистики).

Из комнаты Шуры постоянно по вечерам доносилось стрекотанье швейной машинки: Шурик шил что-то из огромных кусков болоньи – не то палатки, не то парашюты – и где-то нелегально сбывал. У поэта же всегда было тихо. Зайдя к нему однажды вместе с Костей, я помимо хлама, старой кровати с железными спинками и самого поэта обнаружил россыпь стихов. Ими были исписаны все обои от пола и на высоту вытянутой руки. Из того, что я сумел прочесть, запомнились две строчки, наверное, благодаря их зловещему шипению и жужжанию при абсолютной, на первый взгляд, бессмысленности:

«... И душил жизнь, как душный сон
Отживших душ, чужих имен».

В полуподвальные окна Костиной комнаты была великолепно видна Александровская колонна и бело-зеленые стены Зимнего дворца, бутафорски освещенные ночью.

Костя Копьев учился на четвертом курсе истфака, то есть на курс впереди меня. В те времена иногородние студенты нередко устраивались дворниками, чтобы иметь свое жилье и какой-то доход вдобавок к стипендии (чаще – вместо стипендии). У меня же имелось и жилье, и стипендия, но к ним вдобавок – постоянные трения с родителями, и вот однажды Костя, по дружбе, предложил мне поселиться у него. Я согласился, предвкушая жизнь веселую и беззаботную.

– Если что – говори, что ты Рычанчик, – предупредил он.

За Рычанчика, Костиного сокурсника, фиктивно оформленного дворником, Костя получил дополнительную ставку, убирая соответственно два участка.

– Это Рычанчик, – представил меня Копьев дежурному милиционеру, – ему еще не успели выписать пропуск.

– Ничего, скоро примелькаешься, – уверил он меня наедине, – будут тебя и так пускать. Главное – держись понахальнее.

Большим нахальством я никогда не отличался, однако чужое имя давало мне особые преимущества, подобные тем, что дает маска с прорезями для глаз.

На второй или третий день, явившись без сопровождения, я смело нажал кнопку звонка и не убирал пальца, пока не заклацал запор. Едва дверь неуверенно приотворилась – я протиснулся внутрь и с развязным видом направился в сумеречную глубину здания. Опешивший старшина, заперев вход, вопросительно двинулся за мной.

– Я Рычанчик, дворник, – обернувшись, небрежно бросил я и скрылся за поворотом, мысленно поздравляя себя с таким решительным вхождением в роль.

Мое появление в качестве Рычанчика возымело, однако, совершенно неожиданные для меня последствия. Подошедший вскоре после меня Костя со смехом рассказал, что дежурный милиционер, пропуская его, доверительно положил ему руку на плечо и сообщил таинственным голосом:

– Рычанчик здесь...

Мы еще не перестали смеяться, как из коридора донесся пронзительный женский возглас:

– Рычанчик здесь?! Мне сказали, Рычанчик здесь!

– Это Шляпа, – шепнул друг.

Погодя я узнал от него, что женщина по прозвищу Шляпа (по словам Кости, она в особо торжественных случаях надевала на себя широкополую розовую шляпу с тряпочным цветочком) – комендант несуществующего общежития. В прошлом здесь было общежитие, которое затем вытеснили милиционеры. Общежития давно уж нет, а комендант сохранилась, автоматически превратившись в коменданта дворницкой.

– Хорошо сохранилась, – острил Костя.

– Вы Рычанчик? – обратилась ко мне пышногрудая дама с ярко накрашенными губами и круглыми, как пуговицы, глазами. – Что-то я вас не узнаю.

– Он бороду сбрил, – пояснил Копьев.

– А-а, хорошо. Надо ему выписать пропуск. Мне на вас жаловались, Рычанчик. Говорят, вы отказываетесь убирать туалет.

– Он осознал. Он будет убирать, – ответил за меня приятель.

– Ха-ха! Рычанчик бороду сбрил! – потешался после ухода комендантши Костя. – До того глупая, что не сообразила, что Рычанчик вообще без бороды! Она сколько раз его видела! Он же деньги на меня приходит получать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.